

Культурология Вергилия
и разноголосица в эпическом контексте:
к интерпретации Аен. 12.837

Алексей Е. Беликов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,

Москва, Россия;

Национальный исследовательский университет

«Московский физико-технический институт»,

Долгопрудный, Московская обл., Россия, belikov.smu@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются контексты из «Энеиды» Вергилия (2.376–377, 2.420–423, 8.722–723, 12.821–840) с точки зрения возможного указания на проблему межъязыковой коммуникации в эпосе. Анализ семантики слов *fidus*, *discors*, *os* (*oris*), управления глаголов *signare*, *facere*, реалий описываемых событий в Трое (2.420–423) и в древней Италии (12.821–840) позволяет высказать критику современных комментариев и переводов, предполагающих во всех или в части указанных мест отсылку к другим языкам. Выражение *ora sono discordia signant* (2.423) предлагается понимать как «они звуком (криком) отмечают враждебные лица», а выражение *faciamque omnis uno ore Latinos* (12.837) как «и сделаю их всех – на устах у всех – латинянами» (что соответствует переводу Фредерика Аля). Это позволяет сохранить ненарушенной эпическую условность, в рамках которой все боги и герои поэмы говорят друг с другом на том же языке, на котором автор говорит с читателем, а для одной из важнейших заключительных сцен (12.821–840) восстановить симметрию в просьбах Юноны и ответах Юпитера. Указание на различные языки народов может появляться только как атрибут культуры наряду с одеждой, вооружением и т. д. (8.722–723, 12.825, 12.834), то есть как элемент описания, но не как указание на сложность коммуникативной ситуации.

Ключевые слова: Вергилий, Энеида, эпическая условность, комментарий, коммуникация

Для цитирования: Беликов А.Е. Культурология Вергилия и разноголосица в эпическом контексте: к интерпретации Аен. 12.837 // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 20–29. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-20-29

Virgil's cultural studies and discord in an epic context. On an interpretation of Aen. 12.837

Aleksei E. Belikov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia;

Moscow Institute of Physics and Technology,

Dolgoprudny, Moscow Region, Russia, belikov.smu@gmail.com

Abstract. The article considers the contexts from Virgil's Aeneid (2.376–377, 2.420–423, 8.722–723, 12.821–840) with regard to a possible indication of the issue of interlingual communication in the epic. The analysis of the semantics of the words *fidus*, *discors*, *os* (*oris*), the government of the verbs *signare*, *facere*, the realities of the described events in Troy (2.420–423) and in ancient Italy (12.821–840) allows criticizing modern commentaries and translations, suggesting in all or part of the above places a reference to other languages. The expression *ora sono discordia signant* (2.423) is suggested to be understood as “they mark hostile persons with sound (shout)”, and the expression *faciamque omnis uno ore Latinos* (12.837) as “and I will make them all – on everyone's lips – Latins” (which corresponds to the translation by Frederick Ahl). It allows the epic conventionality to remain intact, in which all the gods and heroes of the poem speak to each other in the same language as the author speaks to the reader, and for one of the most important final scenes (12.821–840) to restore symmetry in the requests of Juno and the answers of Jupiter. An indication of the various languages of peoples can only appear as an attribute of culture along with clothing, weapons, etc. (8.722–723, 12.825, 12.834), that is, as an element of description, but not as an indication of the complexity of the communicative situation.

Keywords: Virgil, Aeneid, epic conventionality, commentary, communication

For citation: Belikov, A.E. (2024), “Virgil's cultural studies and discord in an epic context. On an interpretation of Aen. 12.837”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 9, pp. 20–29, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-20-29

Повторяющейся, но редко отмечаемой чертой античной эпической поэзии является отсутствие коммуникативных сложностей у персонажей, которые должны были бы говорить на разных языках, – чертой тем более характерной, что эпическое пространство зачастую предполагает описание разнообразных, подчас удаленных и экзотических народов и культур. Чаще всего об этой условности говорят применительно к «Илиаде» Гомера, в которой троянцы и греки общаются на одном языке, но то же самое верно и для экзотического путешествия аргонавтов (что в греческой версии

Аполлония Родосского, что в латинской Валерия Флакка), и для продолжения «Илиады» Квинта Смирнского, и для позднеантичного Нонна Паннополитанского, который в «Деяниях Диониса» изображает «грекоязычными» древних индов (например, речь Оронта в 17.249–261). Обращаясь к «Энеиде» Вергилия, мы можем найти множество ситуаций коммуникации между разноязычными народами, когда языковой вопрос никак не обозначается (и не упоминаются какие-либо посредники-переводчики): чего только стоит эпизод с риторически выстроенным выступлением греческого ложного перебежчика Синона перед царем Приамом (2.57–198) – но ситуация станет еще интереснее, если мы вспомним, что эта история – часть рассказа Энея перед карфагенской царицей Дидоной, причем рассказа на латинском языке.

Комментаторы выделяют в тексте «Энеиды» лишь несколько мест, которые потенциально могли бы нарушить обозначенную условность¹.

1. Стихи 2.376–377 *dixit et extemplo (neque enim responsa dabantur / fida satis) sensit medios delapsus in hostis*, «Молвил – и понял он вдруг, не услышав ясных ответов / Ни от кого, что в гуще врагов оказался нежданно»². Остин [Austin 1964, p. 159] вслед за Сервием полагает, что имеется в виду пароль; как альтернатива предлагается языковая разница, но в поддержку этой версии может служить только аналогичное истолкование следующего места, которое я отвергаю по обозначенным ниже причинам. Кроме того, этой интерпретации противоречит семантика прилагательного *fidus*, для которого мне не удалось обнаружить контекстов, связанных с неуверенным владением иностранным языком.

2. Один из наиболее спорных пассажей: 2.420–423 *illi etiam, si quos obscura nocte per umbram / fudimus insidiis totaque agitavimus urbe, / apparent; primi clipeos mentitaque tela / agnoscunt atque ora sono discordia* signant. В традиционном переводе: «Даже и те, кого удалось во тьме непроглядной / Хитростью нам разогнать и рассеять по городу, – снова / Все появляются здесь: щиты и подложные копыя / Тотчас они узнают, услышав наш выговор странный».

¹ Интересно, что комментаторы не включают в этот список контекст 1.661 *quippe domum timet ambiguum Tyriosque bilinguis*, единогласно понимая прилагательное в переносном смысле как «двуличие, лживость», но в остальных контекстах настойчиво пытаются найти отсылку к многоязычию.

² *Вергилий*. Буколики. Георгики. Энеида / Пер. с лат. С.А. Ошерова под ред. Ф.А. Петровского; коммент. Н.А. Старостиной. М., 1979. Здесь и далее – русский перевод С.А. Ошерова, если мною не оговорен собственный вариант.

Остин [Austin 1964, p. 172] пишет, что это один из немногих случаев нарушения эпической условности, а в качестве параллелей приводит места из других поэтических жанров (гомеровский гимн к Афродите) и прозы (Ливий, Квинтилиан), что, на наш взгляд, не может служить надежным подтверждением такой интерпретации. При этом Остин отмечает, что глагол *signant* употребляется в необычном значении «привлекать внимание к чему-л.». Мне представляется, что это является отправной точкой для опровержения подобных построений: не следует вводить в словарь новое значение глагола и нетипичную для него синтаксическую конструкцию без иных параллелей только для объяснения одного места, причем места, которое в этой интерпретации тоже предстает исключением (параллельно отметим, что и употребление прилагательного *discors* с аблативом нетипично для Вергилия). Гораздо более естественным представляется типичная для этого глагола конструкция с аблативом – *sono... signant* «обозначают звуком»; при этом переплетенный порядок слов *ora* (a1) *sono* (b1) *discordia* (a2) *signant* (b2), согласующихся «через одно», является вполне нормальным для Вергилия³. Таким образом, предлагается перевод «они первыми узнают щиты и подложные копыя и звуком (криком) отмечают враждебные лица», который гораздо лучше подходит и с точки зрения смысла: Энея и его спутников в ложном греческом вооружении опознают те, кто уже пострадал от их действий ранее, и криком привлекают внимание к противнику, тогда как появившиеся «на сцене» ранее Атриды и Аякс не понимают, что происходит (в традиционном же переводе остается непонятным, почему странный «троянский акцент» опознали только последние из сбежавшихся греческих воинов)⁴.

3. Стихи 8.722–723 *...incedunt victae longo ordine gentes, / quam variae linguis, habitu tam vestis et armis*, «...вереницей идут побежденные длинной, – / Столько же разных одежд и оружия, сколько наречий». Это место не вызывает возражений и потребуются нам в дальнейших рассуждениях. Пока же отметим, что речь идет о ситуации вне эпического действия – это не разные языки сражающихся в поэме народов, а описание триумфальной процессии Августа в ис-

³ Ср. 2.399, 3.281, 7.632, 8.722, 9.98, 12.714.

⁴ Более подробный разбор этого места представлен в докладе А.Е. Беликова «*Ora sono Discordia*» на конференции «Классическая филология в контексте мировой культуры – XIII: Научные чтения, посвященные 265-летию Московского университета», прошедшей 9–12 декабря 2020 г. на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова. Запись доклада доступна по ссылке: <https://www.youtube.com/watch?v=w4AJDkE1-Dw>, с 32-й по 65-ю минуту (дата обращения 28.05.2024).

торической реальности (и в будущем времени по отношению к времени поэмы). Также отметим, что различие в языках побежденных народов отмечено лексически максимально точно и не требует образных истолкований или необычных синтаксических конструкций.

4. Диалог Юноны и Юпитера в 12.821–840. Это одно из важнейших мест в финале поэмы, предшествующее финальному поединку, в котором гневная богиня уступает прямой воле Юпитера и соглашается прекратить преследование Энея в обмен на некоторые условия – условия, объясняющие исчезновение троянского самоназвания у новообразованного народа латинян – будущих римлян. Поскольку сцена строится на симметрии требований Юноны и их удовлетворения ее супругом, приведем эти стихи параллельно (с опущением не относящихся к делу элементов):

cum jam conubiis pacem felicibus, esto, component, cum jam leges et foedera jungent, ne vetus indigenas nomen mutare Latinos neu Troas fieri jubeas Teucrosque vocari aut <i>vocem mutare</i> viros aut vertere vestem. sit Latium, sint Albani per saecula reges, sit Romana potens Italia virtute propago; occidit, oppcideritque sinas cum nomine Troja.	<i>sermonem</i> Ausonii <i>patrium</i> moresque tenebunt, utque est, nomen erit; commixti corpore tantum subsident Teucri. morem ritusque sacrorum adjiciam faciamque omnis <i>uno ore Latinos</i>. hinc genus Ausonio mixtum quod sanguine surget, supra homines, supra ire deos pietate videbis nec gens ulla tuos aequae celebrabit honores.
Пусть примирятся враги, пусть на счастье празднуют свадьбу, Но, с пришлецами союз на любых заключая условиях, Древнего имени пусть не меняет племя латинян; Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться, Речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться. Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба, Римский да будет народ италийской доблестью мощен. Трои нет. Так дозволь, чтобы с ней даже имя исчезло.	Пусть и нравы отцов и язык сохранят авзониды С именем прежним своим. Пусть останутся в Лации тевкры, Но растворятся средь них. Учрежу я обрядов священных Чин, единый для всех, и свяжу народы наречьем. Род в Авзонийской земле возникнет от смешанной крови, Всех благочестьем своим превзойдет бессмертных и смертных Этот народ и тебя почитать всех усерднее будет.

В научной литературе можно встретить много вопросов, связанных с общей интерпретацией этого места. Так, Сайдер [Seider 2013, pp. 171–178] подчеркивает уничтожающую роль забвения и, в конечном счете, победу Юноны над исчезнувшей Троей и забытыми троянцами; Адлер [Adler 2003, pp. 182–191] говорит об установлении мира в Италии и об особом характере священных обрядов, дарованных новому народу Юпитером; Сталь [Stahl 1990, p. 194] поясняет, что Вергилий соотносит свое собственное время с мифической нормой; Вест [West 2009, pp. 304–307] указывает на политическое значение названия народа «латины (латиняне)» и на скрывающуюся за «албанскими царями» отсылку к роду Юлиев. При этом последний считает [West 2009, p. 307], что тройное упоминание сохранения местного языка (825 в просьбе Юноны, 834 в ответе Юпитера и у него же ударное заключительное 837) соответствует интересам Августа к языковым проблемам и отражает тот факт, что ко времени Вергилия латынь стала «официальным языком права, политики и торговли», так что «баски, кельты и ита-лики первого века до н. э., сосуществующие с могущественными соседями и наблюдающие исчезновение своих собственных языков, склонны ощущать утрату», а «послание Вергилия для них в том, что это – воля Юпитера».

Я еще позволю себе вернуться к логическим (и историческим) противоречиям, возникающим из такой трактовки, но пока вынужден констатировать, что эта интерпретация строки 837 ... *faciamque omnis uno ore Latinos* присутствует в большинстве переводов: С.А. Ошеров «и свяжу народы наречьем», Вест [West 2009, p. 307] “I shall make them Latins, all speaking the same language”, Фэйркло⁵ “make all to be Latins of one tongue”, Адлер [Adler 2003, p. 185] “...with one tongue”, Тэррэнт⁶ “speaking one language”. Последний, правда, справедливо отмечает, что *uno ore* также можно понять как «единогласно, по общему мнению». Именно такое понимание наиболее соответствует узусу латинского языка, тогда как попытка увидеть в этом контексте отсылку к общему латинскому языку вызывает проблемы с синтаксисом, которые отчасти можно видеть и в переводах: если фразу *faciamque omnis... Latinos* еще можно понять как «сделаю их латиноязычными», то функция аблатива *uno ore* здесь неясна. Отрадно видеть, что более естественному пониманию следует в свежем переводе

⁵ *Virgil*. Aeneid VII–XII. The minor poems / With an engl. transl. by H.R. Fairclough. L.; N.Y., 1918. P. 356.

⁶ *Virgil*. Aeneid. Book XII / Ed. by R. Tarrant. Cambridge; N.Y., 2012. P. 304.

«Энеиды» Аль⁷: “And I’ll ensure that they’ll all be collectively known as ‘the Latins’ ”⁸.

Другим доводом против распространенной интерпретации может стать структура просьбы-ответа. Довольно часто в парных речах у Вергилия можно найти строгую симметрию в обеих частях, и этот случай – не исключение.

1. Sermonem Ausonii patrium moresque tenebunt «Пусть и нравы отцов, и язык сохранят авзоницы» отвечает aut vocem mutate viros aut vertere vestem «речь ли родную менять, в чужеземное ль платье рядиться»; язык в обоих случаях обозначен предельно ясно и стоит в одном ряду с одеждой как черта, отличающая народы и придающая своеобразие их культуре. Именно здесь нам стоит вспомнить стихи 8.722–723 *...incedunt victae longo ordine gentes, / quam variae linguis, habitu tam vestis et armis*, «...вереницей идут побежденные длинной, – / Столько же разных одежд и оружия, сколько наречий». Интересно, что Адлер, хотя и придерживается традиционного перевода, рассуждая о сасга, дарованных Юпитером новому народу, весьма справедливо пишет [Adler 2003, p. 187]: «поскольку именно местные божества, а не местные языки, системы правления и обычаи, делают нации нациями» и далее [Adler 2003, p. 190]: «становится ясно, что тем, что делало их нациями (т. е. чужими народами), в первую очередь были не различные языки и наряды, *которые не изменились*, но их различные божества». При таком весьма глубоком понимании значения этого места интерпретация слов uno ore Latinos в лингвистическом смысле становится несовместимой.

2. Hinc genus Ausonio mixtum quod sanguine surget, / supra homines, supra ire deos pietate videbis / nec gens ulla tuos aequē celebrabit honores «Род в Авзонийской земле возникнет от смешанной крови, / Всех благочестьем своим превзойдет бессмертных и смертных / Этот народ и тебя почитать всех усерднее будет» должно соответствовать sit Latium, sint Albani per saecula reges, / sit Romana potens Italia virtute propago; / occidit, occideritque sinas

⁷ Virgil. The Aeneid / Transl. with notes by F. Ahl; with an introd. by E. Fantham. Oxford, 2007. P. 324.

⁸ Я бы хотел привести еще перевод Флетчера [Fletcher 2014, p. 250]: “And I will make them all Latins with one face”. Я предполагаю, что понимание uno ore как «на одно лицо», вероятно, строится на противопоставлении сказанному commixti corpore «смешанные телом». Хотя это и кажется мне несколько чрезмерным, первая часть перевода Флетчера вполне соответствует и переводу Аля, и тому пониманию этого пассажа, которое я пытаюсь обосновать.

sum nomine Troja «Лаций да будет всегда, и веками пусть царствует Альба, / Римский да будет народ италийской доблестью мощен. / Трои нет. Так дозволю, чтобы с ней даже имя исчезло». В обоих случаях первые две строки вполне соответствуют политической интерпретации Веста. При этом следует отметить изящно добавленную поэтом асимметрию в третьей строке – если Юнона настаивает на окончательном уничтожении Трои (ср. интерпретацию Сайдера), то Юпитер тактично не повторяет это ненавистное для нее имя и настаивает на примирении нового народа с гневной богиней путем особенного почитания (что особенно интересно в контексте того, что наиболее почитающим богиню народом ранее были названы карфагеняне; этот исторический конфликт оказывается не только намечен в поэме как предстоящий, но уже и обозначен как разрешившийся).

3. Осталось соотнести слова Юноны *ne vetus indigenas nomen mutare Latinos / neu Troas fieri jubeas Teucrosque vocari* «Древнего имени пусть не меняет племя латинян; Тевкрами ты не вели иль троянцами им называться» с ответом Юпитера *utque est, nomen erit; commixti corpore tantum / subsident Teucro. morem ritusque sacrorum / adjiciam faciamque omnis uno ore Latinos* «С именем прежним своим. Пусть останутся в Лации тевкры, / Но растворятся средь них. Учрежу я обрядов священных, / Чин (далее перевод мой) и сделаю их всех – на устах у всех – латинянами». В согласии с переводом Аля я полагаю, что речь в спорной строке идет о смене названия с тевкров на латинян, *uno ore* подчеркивает единогласие и согласие в этом вопросе (т. е. буквально не найдется ни одного рта, который называл бы их другим именем). Мне представляется, что подобная интерпретация согласуется и с рассуждениями Сид [Syed 2005, pp. 205–210] о важности этого самоназвания для объединенного народа.

Представляется очевидным, что интерпретация *uno ore* в 12.837 как указания на единый для всех латинский язык нарушает обнаруженную нами симметрию. Но подобная интерпретация неизбежно вызывает и следующий ряд противоречий: 1) Юнона говорит именно о сохранении неизменного языка, тогда как *faciam* предполагает создание новой латиноязычной общности; 2) Вергилий должен был прекрасно себе представлять (даже если это специально не оговаривал), что в древней Италии присутствовало множество языков, поэтому дихотомия троянский-латинский неверна в принципе, и даже Юпитер не сделал в те давние времена всех жителей Италии латиноязычными! Можно возразить, что речь идет о будущем, – но ведь исчезновение троянского языка, одежд и имени по просьбе Юноны и по приказу Юпитера

происходит еще до основания Рима; 3) даже если относить образ единого языка к эпохе Августа, как того хочет Вест, это едва ли представляется возможным при упорстве сохранения как италийских языков, так и языков покоренных народов [Weeda 2015, pp. 34–35], исчезновение которых Вест, как кажется, слишком ускоряет.

Я же попытался обосновать, что понимание *in opore* в традиционном для латинского языка смысле позволяет восстановить симметрию двойной речи Юноны и Юпитера, подчеркнуть вслед за Адлер и Сид значимость нового возникшего латинского народа (а не языка) и убрать последний случай разногласия в эпосе Вергилия. Указание на различные языки народов может появляться только как атрибут культуры наряду с одеждой, вооружением и т. д., т. е. как элемент описания, но не как указание на сложность коммуникативной ситуации. Условность эпического мира, где все говорят друг с другом на том же языке, на котором автор говорит с читателем, не нарушается и не становится предметом критического размышления.

Литература

- Adler 2003 – *Adler E.* Vergil's empire. Political thought in the Aeneid. Lanham; Boulder; N. Y.; Oxford: Rowman & Littlefield, 2003. 350 p.
- Fletcher 2014 – *Fletcher K.F.B.* Finding Italy. Travel, nation and colonization in Vergil's Aeneid. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2014. 280 p.
- Seider 2013 – *Seider A.M.* Memory in Vergil's Aeneid. Creating the past. Cambridge: University Printing House, 2013. 230 p.
- Stahl 1990 – *Stahl H.P.* The death of Turnus. Augustan Vergil and the political rival // Between republic and empire. Interpretations of Augustus and his principate / Ed. by K.A. Raafaub, M. Toher. Berkeley; Los Angeles; Oxford: University of California Press, 1990. P. 174–211.
- Syed 2005 – *Syed Ya.* Vergil's Aeneid and the Roman self. Subject and nation in literary discourse. Ann Arbor: The University of Michigan Press, 2005. 277 p.
- Austin 1964 – *Austin R.G. P.* Commentary // Vergili Maronis Aeneidos liber secundus. Oxford, 1964. 311 p.
- Weeda 2015 – *Weeda L.* Vergil's political commentary in the Eclogues, Georgics and Aeneid. Warsaw; Berlin: De Gruyter Open Ltd, 2015. 175 p.
- West 2009 – *West D.* The end and the meaning Aeneid 12.791–842 // Vergil's Aeneid. Augustan epic and political context / Ed. by H.-P. Stahl. Swansea: The Classical Press of Wales, 2009. P. 303–318.

References

- Adler, E. (2003), *Vergil's empire. Political thought in the Aeneid*, Rowman & Littlefield, Lanham, Boulder, New York, USA, Oxford, UK.
- Fletcher, K.F.B. (2014), *Finding Italy. Travel, nation and colonization in Vergil's Aeneid*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, USA.
- Seider, A.M. (2013), *Memory in Vergil's Aeneid. Creating the past*, University Printing House, Cambridge, UK.
- Stahl, H.P. (1990), "The death of Turnus. Augustan Vergil and the political rival", in Raafaub, K.A. and Toher, M., eds., *Between republic and empire. Interpretations of Augustus and his principate*, University of California Press, Berkeley, Los Angeles, USA, Oxford, United Kingdom, pp. 174–211.
- Syed, Ya. (2005), *Vergil's Aeneid and the Roman self. Subject and nation in literary discourse*, The University of Michigan Press, Ann Arbor, USA.
- Austin, R.G. (1964), "Commentary", in Vergili Maronis Publius, *Aeneidos liber secundus*, Clarendon Press, Oxford, UK.
- Weeda, L. (2015), *Vergil's political commentary in the Eclogues, Georgics and Aeneid*, De Gruyter Open Ltd, Warsaw, Poland, Berlin, Germany.
- West, D. (2009), "The end and the meaning Aeneid 12.791–842", in Stahl, H.-P., ed., *Vergil's Aeneid. Augustan epic and political context*, The Classical Press of Wales, Swansea, UK, pp. 303–318.

Информация об авторе

Алексей Е. Беликов, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,

Национальный исследовательский университет «Московский физико-технический институт», Долгопрудный, Московская обл., Россия; 141701, Россия, Московская обл., Долгопрудный, Первомайская ул., д. 3; belikov.smu@gmail.com

Information about the author

Aleksei E. Belikov, Cand. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; 119991, Russia, Moscow, bldg. 51, bld. 1, Lenin-skie Gory, Moscow, Russia;

Moscow Institute of Physics and Technology, Dolgoprudny, Moscow Region, Russia; 3, Pervomayskaya St., Dolgoprudny, Moscow Region, Russia, 141701; belikov.smu@gmail.com